



ПОВѢСТИ о первоплощеніяхъ Готамо-Будды и ихъ значеніе въ исторіи развитія буддизма.

*(Окончаніе) *).*

Переходя къ заслугамъ положительнымъ Будды, насколько онъ изображается въ повѣстяхъ о его прежнихъ существованіяхъ, приходится отмѣтить, что въ относящихся сюда разсказахъ ярко обнаруживается раздвоеніе буддійской морали на низшую, общедоступную, предназначенную для ушасакъ—мірянъ, и на высшую, для избранныхъ, для подвижнической „братіи“ (бхикшу). Со ссылкой на уставъ Прати-мокши (то есть, съ явнымъ указаніемъ на позднюю редакцію текста), на правила упосать, этой существенной части за-ряждающагося буддійскаго культа⁹⁵⁾, джатаки показываютъ невозможность для большинства „нести слишкомъ многочисленныя заповѣди“ и на возвратъ поэтому многихъ отъ монашества къ мірской жизни, съ рѣшеніемъ „давать милостыню, творить другія добрыя дѣла и воспитывать сыновъ и дочерей⁹⁶⁾. И вотъ, подобно тому, какъ въ отвѣтъ на этотъ фактъ, съ которымъ поневолѣ приходилось вступать въ сдѣлку, историческій Будда долженъ былъ установить кодексъ свѣтской правдивости съ пониженными требованіями, такъ точно и здѣсь Будда мнѣшескій, многообразный герой джатакъ, протестуетъ противъ неосторожнаго

**) См. „Нолбрь“ с. г.*

⁹⁵⁾ Ссылки на Патимокку—въ джатакахъ 56, 71; на соблюденіе упосать: 31, 282, 300, 316, 392, 402, 416, 354.

⁹⁶⁾ Джатака 56.

возложенія сразу бремень неудобноносимыхъ ⁹⁷⁾ и самъ неоднократно предстаеъ въ роли смиреннаго исполнителя того зауряднаго, семейнаго и гражданскаго долга, отъ котораго, съ его точки зрѣнія, постѣдовательно рассуждая „прозрѣвшіе, вполне просвѣтленные“ могли бы быть свободными, такъ какъ они стоятъ уже внѣ отношеній, обусловливающихъ эту низшую, мірскую мораль. Въ угоду практическимъ потребностямъ большинства, бодхисатва въ джатакахъ изображается въ цѣлыхъ 500 бытіяхъ любящимъ сыномъ, въ другихъ пятистахъ,—покорнымъ внукомъ и въ третьихъ — почтительнымъ племянникомъ ⁹⁸⁾. Во многихъ повѣстяхъ онъ, то въ формѣ человѣческой, то въ видѣ животнаго, заботится о пропитаніи родителей, объ отвращеніи отъ нихъ опасности, жертвуетъ даже жизнью за нихъ ⁹⁹⁾. Сѣверныя легенды особенно подчеркиваютъ выполнение имъ заповѣди послушанія и непротивленія родителямъ ¹⁰⁰⁾: такъ, въ одной изъ повѣстей Авадана-Шатаки будущій Будда, бывший въ ту пору мальчикомъ Дхармапалою, и кровь котораго пожелала выпить его озвѣрѣвшая мать, умираетъ „радостно, преисполненный добрыхъ чувствъ“ къ родителямъ и къ исполнителямъ ихъ чудовищнаго приказанія! ¹⁰¹⁾. Тамъ же находимъ поразительный разсказъ о наказаніи за непочтеніе къ родителямъ. „За очень малую обиду, причиненную матери (попреки ей за обманъ, вызванный, впрочемъ, родительскою любовью) бодхисатва былъ осужденъ на великія мученія: въ концѣ долгихъ и романтическихъ приключеній онъ попадаетъ въ „железный городъ“, у входа въ который видитъ „человѣка съ железнымъ, раскаленнымъ колесомъ

⁹⁷⁾ „Зачѣмъ, братія, сообщили вы этому монаху столь много заповѣдей? сколько онъ въ силахъ исполнить, столько и исполнилъ. Впредь не дѣлайте болѣе этого; я дальше увижу, какъ надо поступать здѣсь“, говоритъ Учитель въ джатакѣ 56-й.

⁹⁸⁾ Джатака 68. Avadāna—Catāka. IV, 6.

⁹⁹⁾ Напримѣръ, красивая 243-я джатака о музыкантѣ Гуттвалѣ (Буддѣ) трудящемся для пропитанія своихъ слѣпыхъ родителей; то же—въ роли грифа: № 399; газель, спасающая родителей жертвою своей жизни № 385 и т. д.

¹⁰⁰⁾ Avadāna—Catāka. IV, 6: „по-истинѣ чудесно, до какой степени бхагаватъ хорошо выполняетъ долгъ послушанія родителямъ!“.

¹⁰¹⁾ Тамъ же, IV, 3; варіантъ—джатака 458 палийскаго сборника; извергемъ здѣсь является отецъ.

на головѣ, сверкающимъ какъ яркое пламя; смола и кровь, струившіяся по челу его, служили ему пищею. Майтраканьяка (бодхисатва) спросилъ его: „кто ты такой?“—Тотъ отвѣчалъ: „я человѣкъ, обидѣвшій свою мать“. Но едва произнесъ онъ слова эти, какъ самому Майтраканьякѣ вспомнился его собственный проступокъ и онъ воскликнулъ: „вѣдь и я также обидѣлъ мать, и благодаря этому поступку и привлечень я сюда“. Тогда въ воздухѣ раздался голосъ: „да будутъ развязаны освобожденные, да свяжутся свободные!“ И едва прозвучали эти слова, огненный дискъ перемѣстился на голову Майтраканьяки. И спросилъ онъ своего предшественника: „сколько лѣтъ этотъ бичъ моей жизни, этотъ раскаленный, пылающій дискъ будетъ тяготѣть на челѣ моемъ?“ И отвѣчалъ человѣкъ: „60060 столѣтій, пока не придетъ другой, такой же виновный, смѣнить тебя“. „Тогда, побѣжденный скорбью, но и преисполненный состраданіемъ къ другимъ людямъ, Майтраканьяка воскликнулъ: „Нѣтъ, лучше, изъ жалости ко всѣмъ другимъ созданіямъ, я одинъ хочу нести колесо это на главѣ моей! пусть ни одинъ виновный въ такомъ же проступкѣ не попадетъ сюда!“. И едва прозвучали слова его,—колесо, поднявшись надъ главою бодхисатвы Майтраканьяки на высоту семи талавыхъ деревьевъ (Tala) повисло въ воздухѣ, а онъ, умерши, возродился въ чертогахъ боговъ неба Тупшты... Вотъ, братія, что должны мы знать: будемъ чтить нашихъ родителей и не будемъ творить обидъ имъ; такъ избѣжимъ мы проступковъ Майтраканьяки, человека зауряднаго, и обрѣтемъ обиліе преимуществъ этого же самого существа, ставшаго сыномъ божіимъ. Вотъ, братія, что намъ надо знать... да то еще, что высшее благодареніе и лучшая помощь, которая сынъ можетъ оказать родителямъ невѣрующимъ,—это привести ихъ къ вѣрѣ, обратить ихъ, ввести въ нее, укрѣпить въ ней основательно, а родителей мало-нравственныхъ, или завистливыхъ, или не одаренныхъ большимъ знаніемъ, привести къ нравственности, къ щедрости, къ великодушію, къ совершенству знанія, обратить ихъ къ нимъ, ввести въ нихъ и укрѣпить въ нихъ основательно“¹⁰²⁾.

¹⁰²⁾ Avadāna—Cataka, IV, 6. Та же повѣсть очень пространно изложена въ Divya—Avadāna. pp. 586—609 ed. Cowell. и очень кратко въ Ava-

Рядомъ съ этою превосходною притчею, столь энергично подкрѣпляющею основы общепризнаннаго нравственнаго строя, въ повѣстяхъ о предбытіяхъ Будды постоянно однако слышится призывъ къ иной, съ буддійской точки зрѣнія, высшей, нравственности для избранныхъ, познавшихъ суетность всего мірскаго. Рядомъ съ похвалами супружеской вѣрности, рядомъ съ описаніемъ 30000-лѣтнихъ, 60000-лѣтнихъ адекихъ мученій за прелюбодѣянія ¹⁰³⁾, рядомъ съ выступленіемъ Будды въ роли примирителя супружескихъ разладовъ ¹⁰⁴⁾, какъ часто раздаются изъ его же устъ внушенія отказаться отъ брака, отъ семьи и даже отъ жизни въ какомъ бы то ни было обществѣ, ибо всѣ эти отношенія—помѣха и вредъ для спасенія. Стараясь оторвать ученика отъ связи съ родными и домашними, Бхагаватъ говоритъ: „сынъ мой! сожителство съ ними запятнано многими недостатками; въ семьѣ, въ дому есть формы, видимыя окомъ, формы желанныя, любимыя, соблазнительныя, источники неизбѣжныхъ привязанностей; есть звуки, внемлемые ушамъ, запахи, обоняемые носомъ, вкусы, смакуемые языкомъ, вещи осязаемыя, ощущаемыя тѣломъ; есть законы, постигаемые умомъ, желанныя, любимыя, соблазнительныя, тѣсно связанныя съ похотями, источники неизбѣжныхъ привязанностей, настоящія тернія“. И всему этому онъ противопоставляетъ спокойствіе и духовныя преимущества лѣсной пустыни, гдѣ пріобрѣтаются законы добродѣтели ¹⁰⁵⁾. Брачная жизнь рабство, а привязанность къ женщинѣ, хотя бы и къ женѣ,—путь къ гибели, къ аду; семейныя заботы—помѣха поученію въ мудрости, въ священныя писанія ¹⁰⁶⁾. Вотъ почему множество легендъ повѣствуетъ о томъ, какъ будущій Будда противостоялъ женскимъ соблазнамъ ¹⁰⁷⁾, старался уклониться

dāna—Kālpalata, № 24. Сходный сюжетъ встрѣчается въ палийскихъ джатакахъ №№ 82, 104, 369, и 439, причемъ, однако, героемъ разсказа, Mithabunda Kovo, является не будущій Будда, а только будущій монахъ его.

¹⁰³⁾ Jātakam 314.

¹⁰⁴⁾ Тамъ же, 306.

¹⁰⁵⁾ Avadāna-Āṭaka IV, 7.

¹⁰⁶⁾ Jātakam 106, 147, 185, 235, 201.

¹⁰⁷⁾ Тамъ же, №№ 263 „Малое искушеніе“ и 507 „Великое искушеніе“, Ср. Jātaka-māla № 13.

отъ брачной жизни или разрывать семейныя узы бѣгствомъ въ пустыню; а въ одной джатакѣ передается напоминающій нѣкоторыя житія христіанскихъ святыхъ разсказъ о томъ, какъ бодхисатву, противъ его воли, родители женили на дѣвушкѣ, подобно ему, не желавшей брака; какъ эти „супруги по-неволѣ“ не стали огорчать родителей непослушаніемъ, но хранили и въ супружествѣ полное цѣломудріе, и какъ, послѣ смерти стариковъ, раздавши все, что имѣли, оба удалились въ горное уединеніе Гималаевъ, чтобы здѣсь, питаясь кореньями, отдаться всецѣло жизни созерцательной ¹⁰⁸).

Впрочемъ, сообразно со своимъ окончательнымъ ученіемъ. Будда и во время прежнихъ стадій развитія не видитъ въ подвижничествѣ самодовлѣющей заслуги, ни главнаго условія спасенія. Джатаки полны бытовыми картинами обличенія бодхисатвою и лицемѣрнаго аскетизма ¹⁰⁹), и бесполезности подвижничества искренняго, но доведеннаго до крайностей, напримѣръ, до гибели здоровья, „этого высшаго (земнаго) блага“ ¹¹⁰). Въ противоположность фанатикамъ аскетизма, адживакамъ, нигрантамъ, и простонародью, попрекавшему бодхисатву за недостаточность тѣлесныхъ подвиговъ, онъ отвѣчаетъ: „въ былое время и я былъ аскетиченъ, крайне аскетиченъ; и я былъ суровъ, крайне суровъ; и я былъ сдержанъ, до крайности сдержанъ; и я пребывалъ въ уединеніи, въ крайнемъ уединеніи... Но когда приблизились минуты смерти и образъ ада предсталъ передо мною, тогда позналъ я: „воистину, бесполезны такіе подвиги; и съ того мгновенья отказался я отъ этого ложнаго ученія, принялъ истинное и возродился въ мірѣ боговъ““ ¹¹¹). Не тѣлесное самоумерщвленіе, а духовное самоочищеніе и прозрѣніе въ область высшей истины ведетъ къ обладанію священною мудростью, къ бодхи.

¹⁰⁸) Jatakam 328. Другой случай удаленія бодхисатвы и жены его въ пустыню—въ Джатака-малѣ, № 21. Въ 408 джатакѣ жена бодхисатвы раньше его становится инокиней.

¹⁰⁹) Джатака 77—противъ корыстолюбія и лживости браминовъ; 81-я—противъ пьянства „аскетовъ“, 87-я противъ корыстолюбія; гатта бодхисатвы въ джатакѣ 325-й: „Благочестивымъ я тебя считалъ, тебя неукротеннаго въ страстяхъ! Безумецъ! не спасетъ тебя длина волосъ, ни мѣхъ звѣривый, вмѣсто одѣянья! Себя святымъ извѣвъ изображая, внутри ты цоловъ мерзости грѣховной!“.

¹¹⁰) № 84. ¹¹¹) № 94.

къ состоянію будды ¹¹²⁾: спасаетъ внутреннее отрѣшеніе отъ міра и отъ самого себя, „богатство добровольнаго ничегонемѣнія“, покой полного безстрастія, полного отсутствія желаній, не исключая и желанія небесныхъ, божественныхъ преимуществъ, ибо „цѣль мудрости и добродѣтели не въ томъ, чтобы стать богомъ, Савкою или Брамюю, а въ томъ, чтобы достигнуть всевѣдѣнія“ и въ немъ—избавленія отъ скорбеи бытія ¹¹³⁾. Спасаютъ не аскетическіе подвиги, „не жертвы, не подъемъ на небо; спасаетъ ученіе, знаніе, низшее, среднее, высшее“ ¹¹⁴⁾, „врата благороднаго пути къ великой, безсмертной нирванѣ отверзаютъ только полное озареніе, полное просвѣтлѣніе, которое и есть высшая добродѣтель; всякая другая добродѣтель и вся иная красота—не болѣе, какъ ея прислужницы“, ея предисловіе или стѣдствіе ¹¹⁵⁾. Вотъ почему вступившій во святкище высшаго знанія въ нравѣ воскликнуть: „монимъ очамъ открылась безконечность; рожденіе, скорбь и старость превозмогъ я. Къ чему теперь мнѣ добрыхъ дѣлъ свершеніе? Возвышенный! отнынѣ возвѣщай мнѣ только знаніе“ ¹¹⁶⁾.

Его-то и возвѣщаетъ герой Джатакъ, и именно въ этомъ—его высшая заслуга и право современемъ стать изъ бодхисатвы буддою. И здѣсь уже отходятъ въ даль и въ тѣни: всѣ раньше указанныя уступки заурядной бытовой морали: яркія сцены выполненія долга къ близкимъ и дальнимъ; борьба съ другими и съ собою въ бурномъ приливѣ желаній и страстей,—все смѣняется здѣсь леденящею безчувственностью, невѣроятною, противоестественною. Проповѣдникъ любви ко всему живущему ¹¹⁷⁾ не знаетъ жалости ни къ чему умирающему, ни къ чему умершему: „усердно храните въ себѣ память о смерти: думайте о томъ, что вы умрете,

¹¹²⁾ „Исполненіе аскетическихъ подвиговъ, братія, не пособіе (къ спасенію) и не заслуга; при разслѣдованіи и испытаніи они оказываются подобными вавозной кучѣ или воображаемому шуму, что пугаетъ трусливаго зайца въ лѣсу“. Джатака 322.

¹¹³⁾ № 340. ¹¹⁴⁾ № 373. ¹¹⁵⁾ № 402. ¹¹⁶⁾ № 405.

¹¹⁷⁾ № 203: „Я другъ всѣхъ четырехъ разрядовъ амѣй; къ безвогимъ тварямъ полонъ я любви; къ двуногимъ я любовью полонъ, къ четвероногимъ, къ многовогимъ; ко всякой твари, всякой жизни и ко всему, что существуетъ, да всѣ она живутъ счастливо и да никто бѣды не знаетъ! Любовь объемлетъ всѣ созданья, безъ исключенья, безъ различья“¹⁶⁾.

ибо жизнь ненадежна, а смерть несомнѣнна, и все созданное подвластно разрушенію: но не плачьте о мертвыхъ! Берите примѣръ съ бодхисатвы! Сколько утратъ испыталъ онъ въ своихъ предбытіяхъ, и ничто не смогло поколебать его безстрастнаго покоя. Нежданно набрелъ онъ на шивъ на трущъ укушеннаго змѣею сына: онъ остановилъ воловъ своихъ, положилъ тѣло подъ тѣнь дерева, прикрылъ его одеждою и продолжалъ пахать, не проронивши ни слезинки, ни единаго вздоха; и такимъ же остался онъ и въ минуты похоронъ. Дивились поселяне окрестныхъ мѣстъ такому равнодушію, дивился самъ богъ Сакка, подумавшій было „ужь не дичь ли жарить на кострѣ этотъ ничѣмъ невозмутимый? или, если, наконецъ, сына, „то дурного сына, нелюбимаго сына?...“—„Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ мудрецъ: „хорошаго! возлюбленнаго!“ „Но какъ же можешь ты по нему не плакать?“ А тотъ отвѣчаетъ: „Какъ кожу ветхую змѣя съ себя свергаетъ, такъ оболочка тѣла свергнута умершимъ: не знаетъ онъ, что пламенемъ оно объято: не слышитъ онъ печальныхъ воплей близкихъ; зачѣмъ же мнѣ оплакивать безумно того, кто цѣли жизни, наконецъ, достигнулъ?“— „Пусть такъ, отецъ! ты мужъ, ты сильный волей, чтобъ превозмочь отчаянія слезы. Но, мать, ты—женщина, ты мать! а въ сердцѣ материнскомъ, признайся, жалости такъ много скрыто! И ты не плачешь?...“—„Не о чемъ мнѣ плакать! Непрошенный пришелъ онъ къ намъ, и, не простясь, отъ насъ ушелъ: какъ онъ пришелъ, такъ и ушелъ: зачѣмъ же плакать буду я? Зачѣмъ печалиться о томъ, кто цѣли бытія достигъ?...“¹¹⁸⁾. Тѣ же сцены безстрастія, та же хватя безчувствія повторяются въ разсказахъ объ утратѣ любимой жены¹¹⁹⁾ или родителей. Тюдямъ зауряднымъ, непонимающимъ такого самообладанія, осуждающимъ его, какъ жесткость сердца, будущій учитель буддійскаго міра отвѣчаетъ: „одни безумцы плачутъ по умершимъ! не лучше-ль плакать по еще живущимъ, по обреченнымъ на утрату жизни?“¹²⁰⁾. Этими и подобными рѣчами „отучаетъ онъ отъ скорби“ и простецовъ, и неутѣшнаго въ потерѣ красавицы-жены царя, котораго бодхисатва отрезвляетъ тѣмъ, что показываетъ ему, какъ его бывшая подруга, перевоплотившись въ червя, предпо-

¹¹⁸⁾ Джатака 354. ¹¹⁹⁾ Тамъ же, № 328. ¹²⁰⁾ №№ 317; 372.

чиггаетъ своего новаго друга, товарища по навозной кучѣ, прежнему, самому Ашокѣ, славному повелителю міра ¹²¹⁾.

Таковъ бодхисатва въ своихъ дѣяніяхъ и рѣчахъ, въ своихъ заслугахъ въ ряду прежнихъ существованій; таковъ, въ лицѣ его, верховный нравственный образецъ, данный „вѣрнымъ“ для подражанія. Въ повѣстяхъ, изображающихъ его въ этомъ законченномъ видѣ, на прошлое, очевидно, перенесенъ тотъ идеаль мудреца, что вытекалъ, какъ крайнее слѣдствіе, изъ поученій самого реального Готамы. Это было нѣчто максимальное по требованіямъ, но, въ то же время, единственное радикальное, рѣшающее въ вопросѣ о спасеніи или лучше сказать, объ „избавленіи“ съ буддійской точки зрѣнія. Однако удержаться на этой высотѣ было не легко для большинства и непронзводительно для судьбы самого ученія, рисковавшаго, при такой строгости требованій, остаться привилегіей малочисленныхъ избранныхъ умовъ и рѣдкихъ героическихъ волей. И вотъ, когда превращеніе буддизма въ болѣе „широкій путь“ началось, пришлось измѣнить и самый идеаль совершенства, приблизить его къ общему нравственному уровню большинства, то есть, не отрицая превосходства полной отрѣшенности отъ міра и отъ самого себя, практически однако выдвигать почаще, какъ образецъ для подражанія, тѣ черты нравственнаго облика бодхисатвы, которыя дѣлали его удобопонятнѣе и доступнѣе для воспріятія народною душою. Вотъ почему въ позднѣйшихъ джатакахъ и аваданахъ все чаще встрѣчаются черты сыновней и супружеской добродѣтели будущаго Учителя: нравственный герой демократизируется; мифическій образъ переходитъ въ бытовой; рѣже слышимъ о высшемъ созерцаніи и знаніи, рѣшающимъ вопросъ спасенія, чаще—о добродѣтели, подготовляющей спасеніе.

Но зато, соотвѣтственно этому, замѣчаются старанія повысить содержаніе актовъ добродѣтели, ихъ нравственную цѣнность. Въ противоположность архаическимъ джатакамъ, нерѣдко восхвалявшимъ низкопробныя способности бодхисатвы, въ позднѣйшихъ сѣверныхъ сборникахъ умножаются черты героическія. Правда, мы находимъ ихъ уже и въ палийскихъ сказаніяхъ: но тамъ онѣ, можно сказать, тонуть въ

¹²¹⁾ № 207 стр. 328.

прихотливой пестротѣ фольклористической канвы разсказовъ; здѣсь, въ Джатакѣ-малѣ, въ Авадана-шатакѣ, онѣ выдвигаются впередъ въ болѣе яркомъ и стройномъ подборѣ, преобладаютъ надъ остальными чертами, возрастаютъ въ живописности передачи и драматизмѣ построения. Не осторожность или ловкость, не благоразуміе и умѣренность, а любвеобильность и самопожертвованіе — вотъ что выступаетъ здѣсь на первый планъ. „Я шель правымъ путемъ любви и милосердія“, говоритъ про себя бодхисатва ¹²²⁾; жалостью ко всему живущему во всѣхъ мірахъ безчисленныхъ ¹²³⁾ прониклось его сердце. Но мало только не вредить, не обижать! свое отдать и самому отдаться за другихъ и для другихъ, безъ колебаній и сожалѣній, — вотъ въ чемъ высшая трудность ¹²⁴⁾; въ эту сторону и направлены нравственные примѣры повѣствованій.

Простѣйшая форма жертвы, милостыня, — любимѣйшая нравственная обязанность буддійской этики. Она внушается, можно сказать, во всѣхъ повѣстяхъ ¹²⁵⁾, при каждомъ удобномъ случаѣ: благодѣтель раннихъ общинъ Анатапиндика простираетъ щедрость до обнищанія ¹²⁶⁾; самъ бодхисатва („великій купецъ Виссия“) раздаетъ свои богатства до послѣдняго гроша, до послѣдней вещи въ домѣ, а „затѣмъ отдаетъ просящимъ свой поденный заработокъ, пока не сваливается полумертвымъ отъ истощенія“ ¹²⁷⁾. „Бодхисатвы ненасытны въ раздачѣ милостыни“; но „дороже жертвы богатства жертва сердца.“ ¹²⁸⁾, и вотъ, дальше уже идетъ жертва собственной жизни для спасенія другихъ. Много разъ свершаетъ этотъ подвигъ бодхисатва во время своихъ разнообразныхъ перевоплощеній ¹²⁹⁾. Вдумчивы и поучительны мно-

¹²²⁾ Джатака 76.

¹²³⁾ № 78. ¹²⁴⁾ № 401.

¹²⁵⁾ Похвала щедрости въ джатакѣ 390-л.

¹²⁶⁾ № 40 и др. ¹²⁷⁾ № 340.

¹²⁸⁾ Nidānakathā, p. 37 англ. перевода и Jātakam № 40. „Даръ вѣнчиковъ благъ, какъ бы великъ онъ ни былъ, не въ состояніи удовлетворить бодхисатвъ; но они чувствуютъ радость при самоотрѣшеніи, когда они жертвуютъ свою вѣнцовую голову, свои свѣтлыя очи, когда вырываютъ сердце свое и отдаютъ его“: Nidānakathā, p. 36.

¹²⁹⁾ Такъ въ Джатака-малѣ, 22, — великодушный царь лебедей; въ № 106 палийскаго сборника — самоотверженный вождь обезьянъ; тамъ же №№ 105—106 и Avadāna-Śataka, IV, 10 — великодушные олень, серна, газель:

гія изъ этихъ басенъ; вотъ два-три примѣра. У великаго охотника, царя бенаресскаго, былъ паркъ, переполненный газелями, вождемъ которыхъ, въ своемъ тоглашемъ „рожденіи“, былъ бодхисатва. Ежедневно для стола царскаго полагалось убивать по одной газели. Какъ-то разъ дошла очередь до одной изъ нихъ, беременной; пожалѣвши ее, бодхисатва, взамѣнъ ея, склоняетъ свою голову на плаху. Умиляется царь невиданнымъ зрѣлищемъ и, выслушавши объясненія мудраго животнаго, освобождаетъ его отъ смерти, а затѣмъ, подѣ вліяніемъ дальнѣйшаго поученія, отказывается отъ истребленія какихъ бы то ни было живыхъ тварей¹³⁰⁾. Другой разъ бодхисатва былъ богомъ Индрою: напали асуры на боговъ: неожиданно было нападеніе, стремителенъ натискъ; бѣжали боги; бѣжалъ и Индра... Но вотъ онъ замѣчаетъ, что отъ сотрясенія его грузной колесницы падаютъ съ придорожныхъ деревьевъ гнѣзда лѣсныхъ птичекъ и ушибаются малые птенчики... Жалко ихъ стало, и, чтобы не губить ихъ, рискуя самъ погибнуть отъ уже настаивающихъ враговъ, Индра останавливаетъ колесницу; спѣшились и спутники; ободрились; грянулъ новый бой, и побѣда увѣичала подвигъ состраданія къ меньшимъ братьямъ по общему бремени бытія¹³¹⁾. Въ другой разъ бодхисатва-отшельникъ отдаетъ себя на съѣденіе тигрицъ готовой съ голода растерзать новорожденныхъ лѣтенышей¹³²⁾. Или еще—„повѣсть о мудромъ зайцѣ Шапѣ“, одна изъ любимѣйшихъ сказокъ буддйскаго міра: въ глухомъ лѣсу жили—были четыре друга: обезьяна, шакалъ, рѣчная выдра да заяцъ; днемъ каждый промышлялъ по своему; по вечерамъ сходились на бесѣду: Шапа, мудрый заяцъ, поучалъ товарищей добродѣтели: „надо давать милостыню, хранить заповѣди, соблюдать обряды упасать“... И вотъ однажды, какъ разъ въ день упасаты, когда онъ только что присовѣтовалъ отдать дневное пропитаніе первому просящему, богъ Сакка, чтобы испытать мудреца, явился самъ къ лѣснымъ друзьямъ въ видѣ ко-

въ Jātaka-māla, 30—слонъ, рѣшающійся на самоубійство чтобы отдать тѣло свое въ пищу голоднымъ изгнанникамъ, заблудившимся въ джунгли.

¹³⁰⁾ Палийскій сборникъ, 12; другой варіантъ 385; сходная повѣсть—№ 407.

¹³¹⁾ Jātaka-māla, 11.

¹³²⁾ Тамъ же 1.

чующаго брамина и стать просить пищи. Выдра отдала ему семь рыбокъ, забытыхъ кѣмъ-то на берегу и подобранныхъ ею; шакаль уступилъ пару кусковъ вяленаго мяса, ящерицу, да крынку кислаго молока, которыя онъ хитроумно стащилъ въ шалашѣ полевого сторожа, а обезьяна угостила странника связкою манговыхъ плодовъ. У одного зайца не было ничего пригоднаго для путника: сѣно не про него, а рису, сезама и бобовъ,—гдѣ добыть въ пустынь? И вотъ, жалостливый звѣрѣкъ рѣшается накормить гостя своимъ мясомъ: но, зная, что браминъ не отважится самъ убить его, онъ просить развести костеръ и, предварительно отряхнувшись, „чтобы,—не ровень часъ,—не погубить мелкую тварь въ шерсти своей“, прыгаетъ въ огонь, приглашая гостя изжарить его и съѣсть, а затѣмъ доводитъ неукоснительно до конца свои аскетическіе подвиги. Богъ разумѣется, отказывается отъ жертвы, но, въ награду за нее, повелѣваетъ, чтобы луна отплыла и до вѣка послала на чель своемъ изображеніе „мудраго зайца“¹³³⁾.

Проповѣдь самопожертвованія въ джатакахъ идетъ параллельно съ призывомъ къ непротивленію злу. Эта существенная черта буддійской этики устанавливается здѣсь въ общихъ чертахъ гаттами Учителя: „вражда побѣждается на землѣ не враждою, а дружбою:—таковъ законъ міра!“ „любовь даже къ злему, даже къ порочному превращаетъ несчастье въ счастье:—вотъ что разрываетъ цѣпи зла!“¹³⁴⁾. Это общеправило примѣняется въ повѣстяхъ о подвигахъ бодхисатвы безъ всякихъ соображеній о несоответствіи цѣны жертвы достоинству поводовъ и мотивовъ, вызывающихъ ее. Такъ, напримѣръ, жалостливый царь уступаетъ простому поденщику полцарства, чтобы избавить его только отъ труда въ знойный полдень¹³⁵⁾; изгнанный бунтовщиками царевичъ

¹³³⁾ Джатака 316-я палийскаго сборника. Варианты: Jātaka-māla, 6. Sa-giya-pitaka, 10. Avadāna-Cātaka, IV, 7. Актомъ сроднаго самопожертвованія бодхисатва-рыба въ великую засуху спасаетъ своихъ рѣчныхъ товарищей и умоляетъ бога дождя Паджувну прекратить бѣдствіе. № 75 палийс. сборника. Въ 1-й повѣсти 4-й декады Авадана-шатаки царь (бодхисатва) превращается „въ великую цѣлебную рыбу Рахиту“, чтобы мясомъ ея исцѣлялись заразные больные.

¹³⁴⁾ Джатаки 317 и 303.

¹³⁵⁾ № 421.

Вишвангара отдаетъ встрѣчному брамину свою колесницу, затѣмъ другому—дѣтей своихъ въ услуженіе, не давши матери даже проститься съ ними ¹³⁶). Царь Майтрибала (бодхисатва) разрѣшаетъ лѣснымъ демонамъ грызть его мясо и пить кровь, чтобы этимъ подвигомъ „спасти міръ отъ круговорота рожденій“; а когда злодѣи каются и просятъ прощенія, онъ отвѣчаетъ: „мнѣ и прощать-то нечего: вы только оказали мнѣ помощь на пути ко благу“ ¹³⁷). Столь же охотно, безъ колебаній, другой царь, Шибіи (опять—бодхисатва, конечно!), отдавшій уже все пожелавшему испытать его, позволяетъ вырвать себѣ оба глаза ¹³⁸), а третій, Сурюна, богу Саккѣ, принявшему видъ голоднаго демона, отдаетъ на съѣденіе сначала—любимаго сына, потомъ—жену и, наконецъ, самого себя, послѣ чего богъ, разумѣется, возвращаетъ ему дорогія жертвы невредимыми ¹³⁹). Въ палийской повѣсти „О выборѣ наилучшаго“ ученіе о непротивленіи злу поднимается на фантастически-величавую высоту: вотъ эта трогательная легенда: однажды бодхисатва былъ царемъ бенаресскимъ; министръ, которому онъ безгранично вѣрилъ, свершилъ тяжкій проступокъ въ царскомъ гаремѣ: простилъ виновнаго царь, но просилъ его удалиться, нераскаянный же подбилъ атамана шайки разбойниковъ напасть врасплохъ на своего благодѣтеля. Уже пылали села, потоптаны были нивы... воины молили царя наказать грабителей: но миролюбецъ отвѣчалъ: „не хочу царства, удерживаемаго путемъ вреда ближнему! не дѣлайте ничего!“ Тѣмъ временемъ врагъ уже у воротъ столицы: онъ нагло держитъ ее въ осадѣ. Опять требуютъ защиты, отпора, кровавой кары злодѣямъ: и опять тотъ же отвѣтъ: „не можете! откройте настежь ворота!“ И возсѣлъ царь на тронъ въ своей палатѣ, окруженный сановниками... Черезъ минуту онъ схваченъ, закованъ въ цѣпи, ввергнутъ въ тюрьму... „Здѣсь вызвалъ онъ въ сердцѣ своемъ новыя чувства любви къ злодѣю и достигъ экстаза любви“. И чистый пламень этотъ объять.

¹³⁶) Jataka-māla, 9. Въ Nidānakatha, p. 33 англ. перев., онъ уступаетъ демону двухъ сыновей и „радостно смотритъ какъ тотъ пожираетъ ихъ, точно пучёкъ овощей“!

¹³⁷) Jataka māla, 8.

¹³⁸) Тамъ же, 2 и Nidānakathā, p. 36.

¹³⁹) Avadāna-Cataka, VI, 5.

наконецъ, закоснѣлую душу: полный раскаянія, преступникъ спѣшитъ къ миролюбцу, молить о прощеньи: „бери назадъ свое царство; твои враги отнынѣ—мои враги!“ А миротворецъ, обратясь къ народу, говоритъ; „кто въ мирѣ съ цѣлымъ міромъ пребываетъ, тому не быть и въ небѣ одинокимъ“; затѣмъ разослалъ во всѣ стороны своей бѣлый зонтикъ, символъ любвеобильной власти, способный, среди сыновъ мира замѣнить самого властителя—охранника мира: сложилъ воинскій лукъ свой; высыпалъ изъ колчана на землю ненужныя болѣе стрѣлы и направилъ стопы свои къ священной горной пустынѣ Гималаи ¹⁴⁰⁾.

Но не всѣ—герои; не каждому по-плечу полнота подвига самопожертвованія; трагическая напряженность его способна, пожалуй, запугать маловѣровъ и слабыхъ волею; а ихъ такъ много!.. И вотъ повѣсти о предбытіяхъ Будды спѣшаютъ ободрить таковыхъ. Сомнѣвающемуся въ дѣйствительности малыхъ добрыхъ дѣлъ, „малыхъ даровъ“, бодхисатва отвѣчаетъ: „милый! если намѣреніе чисто,—нѣтъ малыхъ даровъ!“ ¹⁴¹⁾ кусокъ черстватаго кислаго тѣста, охотно поданный страннику бѣднякомъ, дороже многихъ слоновъ, табуновъ коней, стадъ и сокровищъ, даруемыхъ богачами ¹⁴²⁾. „Смотрите, сколько счастья достигается малыми добрыми дѣлами, и отнынѣ стремитесь только къ добрымъ дѣламъ, только къ благороднымъ подвигамъ“—такъ закончить мудрецъ рассказъ свой о небесномъ видѣніи, объ исповѣди дочерей боговъ несравненному пѣвцу-музыканту (бодхисатвѣ) о томъ, за какія малыя заслуги онѣ стали небожителями; и внимали люди поученіе, и порѣшили дѣлать добро, сколько каждый можетъ, посылно... ¹⁴³⁾.

Обращаемъ вниманіе на эти черты: ученіе о „малыхъ дарахъ“ сыграло огромную роль въ распространеніи буддизма, особенно въ странахъ „широкой переправы“, Магайяны. Рядомъ съ путемъ созерцательнаго подвижничества, путемъ „узкимъ и жестокимъ“, годнымъ для богатырей духа, стоящихъ уже „по ту сторону добра и зла“, открылась торная

¹⁴⁰⁾ Джатака 282-я палийскаго сборника.

¹⁴¹⁾ Тамъ же, 180.

¹⁴²⁾ № 415.

¹⁴³⁾ № 243.

дорога общечеловѣческой добродѣтели, а затѣмъ и примыкающія къ ней окольные тропинки условныхъ заслугъ, въ духѣ позднѣйшаго буддійскаго благочестія, окрашеннаго уже клерикальными оттѣнками. Постепенно надъ просто добродѣтельными дѣлами, внутренне цѣнными, независимо отъ того, къ кому бы они ни относились, отъ бога или сверхбога Будды до злодѣя, до болотной мошки, которой царь Шиви отдаетъ сосать свою кровь ¹⁴⁴),—начинаютъ выдвигаться заслуги именно передъ Буддою, внушается, что всякое почтеніе, оказанное Татагатѣ, есть безконечная заслуга, неизбѣжно въ свое время награждаемая нирваною ¹⁴⁵). „Нѣтъ заслугъ, лишенныхъ достоинства, если онѣ относятся къ учителямъ благородной истины, къ буддамъ“; „передъ лицомъ совершеннаго Самбудды и сонма учениковъ его нѣтъ даровъ слишкомъ ничтожныхъ, лишь бы они исходили изъ сердца вѣрующаго“ ¹⁴⁶). Рядомъ съ мученическою смертію царицы, казненной за культъ Будды ¹⁴⁷), рядомъ съ подвигомъ бѣдной дѣвушки, пожертвовавшей даже чувствомъ стыдливости въ своемъ порывѣ отдать бодхисатвѣ „все свое богатство“, единственную одежду, заработанную трехмѣсячнымъ трудомъ ¹⁴⁸),—здѣсь годны и „малые дары“: цвѣтокъ, возвращенный садовникомъ и предложенный бодхисатвѣ, лотосъ, протянутый ему ребенкомъ, помазаніе его ногъ краснымъ сандаломъ усердною служанкою ¹⁴⁹), наконецъ,—даже одинъ благоговѣнный взглядъ: „при одномъ взглядѣ на Бхагавата я уже достигну совершенства!“—воскликаетъ восторженный вѣрующій ¹⁵⁰). На этомъ не останавливаются: дальше возвеличиваются уже акты усердія и благоговѣнія къ ученикамъ, къ монахамъ, къ храмамъ: напоить инока, подать ему цвѣты или лѣсные плоды, посыпать душистымъ порошкомъ ларецъ съ монетами, зажечь лампаду въ святилицѣ, подмести его, украсить бусами, вѣнками или хотя бы

¹⁴⁴) Avadāna—Çataka. IV, 4.

¹⁴⁵) Mahāvastu. II, p. 362.

¹⁴⁶) 415-я джатака палийскаго сборника.

¹⁴⁷) Avadāna—Çataka. VI, 3.

¹⁴⁸) Тамъ же, VI, 5.

¹⁴⁹) Тамъ же, IX, 2, 9.

¹⁵⁰) Тамъ же, IV, 10.

только поклониться ему ¹⁵¹⁾—все это—ступени духовнаго подъема на пути къ спасенію. И во всемъ этомъ—примѣръ, образецъ, „путевѣдецъ и путеводець“—все онъ же, въ своихъ предбытіяхъ, бодхисатва, грядущій Будда! И въ этомъ представленіи—огромное практическое и историческое воспитательное значеніе этихъ безчисленныхъ, пестрыхъ сказокъ и легендъ о вереницѣ смѣняющихся жизней мессіи Дальняго Востока.

Въ завершеніе всего, не чужда имъ и еще одна черта, необходимая для воспріятія массою „ученія труднопріемлемаго“, по сознанію самого Готамы: эта черта — признаніе естественности нравственнаго паденія и признаніе возможности загладить паденіе раскаяніемъ и исправленіемъ. Мы знаемъ, какое существенное значеніе имѣетъ въ буддизмѣ вѣра въ закономѣрное, неизбежное возмездіе за каждый, хотя бы и малѣйшій проступокъ. Это убѣжденіе, созрѣвшее на почвѣ ученія о перевоплощеніяхъ, получило въ огромной литературѣ джатакъ и аваданъ широкую, общедоступную пропаганду. Множество сѣверныхъ повѣстей оканчиваются формулою: „зрѣлость (то-есть, конечный исходъ, результатъ) поступковъ вполнѣ черныхъ—совершенно черная; поступковъ вполнѣ бѣлыхъ—совершенно бѣлая, поступковъ смѣшанныхъ — смѣшанная; отбросьте же дѣянія совершенно черныя и смѣшанныя, дабы преизбыточествовать вамъ въ поступкахъ совершенно бѣлыхъ“ ¹⁵²⁾. Спасити другихъ отъ грѣха раскрытіемъ его печальныхъ слѣдствій—такова цѣль этихъ рассказовъ ¹⁵³⁾, такъ же, какъ и особаго сборника исповѣдей грѣшныхъ душъ, Петаваггу. Передъ нами развертывается вереница унылыхъ картинъ, ужасающихъ видѣній, сцены тоски мятущейся совѣсти и наказаній за преступное прошлое и даже за мелкія слабости. Здѣсь видимъ, напримѣръ, какъ за проступокъ, вызванный чревоугодіемъ, грѣшникъ расплачивается мученіями съ аду „въ теченіе многихъ сотенъ тысячъ лѣтъ“, послѣ чего подвергается пятистамъ возрожденіямъ въ качествѣ демона, съ правомъ

¹⁵¹⁾ Джатака 246. Mahāvastu. Т. II, p. 364—368; 381—396.

¹⁵²⁾ Почти половина повѣстей Авадана-шатаки повторяетъ эту формулу.

¹⁵³⁾ Avadāna-Śataka. V, 3 и 4.

питаться лишь одинъ день въ каждой жизни, да и то— „лишь экскрементами“, а затѣмъ начинаются инныя 500 рожденій, въ видѣ собаки, кормящейся отбросами и т. д. ¹⁵⁴). Здѣсь видимъ эластолюбивыхъ красавицъ, искупающихъ семь дней чувственныхъ наслажденій семью днями невыносимыхъ страданій ¹⁵⁵); видимъ, какъ за отказъ въ глоткѣ воды жаждущему, молодая дѣвушка, возродившись въ положеніи грѣшнаго духа („прети“), осуждена пылать огнемъ столб лютымъ, что отъ близости ея иссыхаютъ источники и колодцы, и дождь надъ нею превращается въ потокъ искръ и раскаленныхъ угольевъ ¹⁵⁶); видимъ, какъ мать, страдающая за былую скупость, умоляетъ благочестиваго сына прекратить ея мученія подаеніемъ милостыни Буддѣ и ученикамъ его; видимъ, какъ за дѣтоубійство, внушенное бездѣтной женщиной завистью, она обречена непрерывно рождать по пяти дѣтей и пожирать ихъ съ голоду ¹⁵⁷). И всѣ эти сцены мученій, не уступающія по злобѣйшей яркости фантазіи картинамъ Дантова „Ада“, заканчиваются призывомъ: „глубоко задуматься надъ себялюбіемъ, отказаться отъ него“ ¹⁵⁸). Тутъ же—и указанія средствъ, какъ ограничить муки или прекратить ихъ: сознаніе вины, покаяніе; чаще всего—паденіе къ ногамъ Будды или бодхисатвы со слезами; желаніе загладить грѣхъ добрымъ поступкомъ, хотя бы и чужимъ, но по просьбѣ кающихся совершеннымъ, а впослѣдствіи, въ новомъ рожденіи,—и самостоятельно. И, наконецъ, всюду—царятъ надежды, возможность избавленія для исправляющагося!.. И (что совсѣмъ неожиданно) укрѣпленіе въ этой надеждѣ ссылкой на сходные случаи въ судьбѣ самого Будды!..

Надо удивляться смѣлости, съ которою позднѣйшій, морализирующій буддизмъ, ради подъема нравственно-воспитательной стороны своего ученія и изъ желанія придать ему широко пріемлемый и ободряющій характеръ, отважился признать, что и самъ Будда, въ своихъ прежнихъ бытіяхъ, подвергался нравственнымъ паденіямъ, поддавался не только искушенію, но и грѣху. Въ такомъ мнѣніи, строго разсу-

¹⁵⁴) Джатака 41.

¹⁵⁵) Тамъ же.

¹⁵⁶) Avadāna-Śataka, V, 3.

¹⁵⁷) Тамъ же, V, 6 и тоже въ 22-мъ разсказѣ Пета-ватту.

¹⁵⁸) Avadāna Śataka. V, 3, 4, 6, 10.

ждая, не было ничего несогласимаго съ самооцѣнкою Готама, ибо до момента „просвѣтлѣнія“ и онъ считалъ себя лишь за простаго человѣка; а если потомъ ему, быть можетъ, и не чужда стала претензія на званіе сверхчеловѣка, то во всякомъ случаѣ—не въ силу своей природы, не по существу, а только въ силу личнаго подвига. А за тѣмъ, кто оставался способнымъ къ слабостямъ и паденіямъ даже въ послѣднемъ бытіи своемъ, за тѣмъ еще легче было признать возможность грѣха и въ предшествующихъ степеняхъ его развитія. Но одно—быть доступнымъ грѣху, другое—быть грѣховнымъ. До нѣкоторой степени и послѣднее допускалъ, какъ кажется, Готама относительно себя, когда проступками дней бывшихъ объяснялъ невзгоды дней настоящихъ. Тѣмъ не менѣе, въ древнѣйшихъ повѣствованіяхъ о предбытіяхъ его нигдѣ нѣтъ слѣдовъ проступковъ бодхисатвы; вездѣ онъ—мудрецъ или праведникъ. Допускать его паденіе стало возможнымъ только для позднѣйшей поры, когда вообще понадобилось опростить его образъ, чтобы сколько-нибудь приблизить къ уровню большинства этотъ примѣръ нравственнаго совершенства. Мы видѣли, какъ въ джатакахъ и авадахахъ Учитель демократизировался, дабы показать, что путь даже и къ высшему совершенству открытъ не для однихъ браминовъ и царей, а для всѣхъ, независимо отъ общественнаго положенія. Оставалось сдѣлать послѣдній, несравненно важнѣйшій шагъ: открыть этотъ путь и для людей заурядныхъ даже въ нравственномъ отношеніи, для слабыхъ и порочныхъ, словомъ,—для грѣшниковъ. И могло ли быть, для проведенія этого взгляда, что-либо внушительнѣе, вліятельнѣе ссылки на примѣръ самого Учителя?..

Таковъ психологическій и нравственный смыслъ повѣствованій о проступкахъ бодхисатвы въ его прежнихъ существованіяхъ. Наивность и безцеремонность этихъ рассказовъ объясняется отчасти тѣмъ, что, съ точки зрѣнія индусской миѳологій, поскольку она отражается въ тѣхъ же памятникахъ, и сами боги далеко не безупречны въ поведеніи ¹⁵⁹⁾. Какъ бы то ни было, мы узнаемъ, что будущій Будда могъ быть раньше лѣбтяемъ ¹⁶⁰⁾, что онъ однажды не заплатилъ при-

¹⁵⁹⁾ Таковы продѣлки бога Сакки въ 281-й джатакъ.

¹⁶⁰⁾ Avadāna—Āṭaka. I, 3.

нятаго имъ на себя долгового обязательства, за что (по собственному признанію) въ дальнѣйшихъ перевоплощеніяхъ оказывался въ постоянномъ дефицитѣ¹⁶¹⁾ Въ другой, уже рассказанной нами легендѣ, онъ оказался непочтительнымъ къ матери, за что его постигла жестокая кара; въ третьей онъ—грабитель, атаманъ разбойничьей шайки¹⁶²⁾. Наконецъ, и въ южныхъ, и въ сѣверныхъ сборникахъ есть подробные рассказы о томъ, какъ бодхисатва впадалъ въ грѣхъ сладострастія и прелюбодѣянія. Въ одной изъ джатакъ онъ, родившись богачемъ-откупщикомъ, проматываетъ состояніе на красавицу блудницу и лишь подъ впечатлѣніемъ ея грубой неблагодарности становится аскетомъ¹⁶³⁾. Въ столь любимой буддистами повѣсти о Майтраканьякѣ бодхисатва, во время своихъ романтическихъ скитаній, поддавшись разъ соблазну чувственности „въ городѣ четырехъ красавицъ-чаровницъ“, удерживавшихъ его цѣлые года отъ возврата на родину, роковымъ образомъ попадаетъ поочередно въ плѣнъ наслажденій къ восьми, къ шестнадцати, къ тридцати двумъ обольстительницамъ, еще болѣе увлекательнымъ, пока не отрезвляется, наконецъ, ужасною, уже намъ извѣстною сценою огненнаго наказанія, совершающагося надъ блуднымъ сыномъ¹⁶⁴⁾. Еще изумительнѣе повѣсть о Гаритѣ, варианты которой говорятъ о ея популярности и широкомъ распространеніи. Однажды бодхисатва родился наслѣдникомъ семьи браминовъ, обладавшей 800-милліоннымъ состояніемъ. Послѣ смерти отца его осѣнила мысль; „деньги цѣлы, но тѣхъ, кто нажилъ ихъ,—нѣтъ, и самъ я буду смертью превращенъ въ прахъ и тлѣнъ“. Ужасъ объялъ его; онъ роздалъ щедрую милостыню, ушелъ спасаться въ ущельи Гимайлан и уже на седьмой день „достигъ знаній и совершенствъ“. Года незамѣтно проходили въ святости, постѣ и созерцаніи; молва о немъ дошла до городовъ; полюбилась бесѣда съ нимъ царю бенаресскому; приблизилъ онъ его къ себѣ; а когда отбылъ въ походъ противъ взбунтовавшихся порубежниковъ, поручилъ красавицѣ-женѣ „усердно слѣдить за нивой добродѣтели, самолично прислуживать праведнику“. Не тя-

161) Тамъ же, IV, 10.

162) Джатака 279-я.

163) Джатака 425-я.

жела была услуга: подать пищу въ его нищенскую чашу... Но однажды эту чашу онъ нечаянно протянулъ въ окно тогда, когда царица, въ злойный день, послѣ купанья, полурасдѣтая, покоилась у окна: неосторожное движеніе обнажило красоту ея формъ; взглянулъ аскетъ, и „чувственность, четыреста тысячъ милліоновъ лѣтъ усиленная въ немъ, поднялась, какъ ядовитая змѣя изъ корзины, и лишила его способности экстаза“; онъ схватилъ красавицу за руку, и съ этого мгновенія годы подвижничества смѣнились днями угара страсти... Вернулся царь... доносъ не замедлилъ... Онъ не повѣрилъ: „самого спрошу,—правда-ли“? И сознался виновный; пытался оправдываться ссылками на власть страстей, порабошавшую и мудрецовъ; но, пристыженный великодушнымъ увѣщаніемъ царя, онъ вырываетъ, наконецъ, изъ сердца „похоть, укравшую блескъ добродѣтели“, разбиваетъ цѣпи страсти, возвращается въ лѣсную пустыню, „куда не достигаетъ вѣяніе женскихъ чаръ“, и, „всмотрѣвшись пристально въ кругъ, рождающій способность къ озаренію“, возвращаетъ ее себѣ и, своевременно, благополучно достигаетъ до неба Браммы ¹⁶⁵).

Помимо важности самого факта—допущенія возможности нравственнаго паденія будущаго идеальнаго мудреца и всемірнаго учителя,—поразительно здѣсь безцеремонно-развязное отношеніе къ этимъ грѣхамъ. Такъ, въ одной повѣсти ¹⁶⁶) бодхисатва, влюбившись въ царицу, похищаетъ ее и возвращаетъ лишь послѣ того, какъ она и ему измѣнила, причемъ, въ разсказѣ не видно даже и слѣдовъ раскаянія въ проступкѣ. Больше того! романтическія похождения буддійскаго Таннгейзера Майтраканьяки изображаются чуть не въ видѣ „благополучія, посылаемаго человѣку чистыхъ дѣлъ, исполнителю добродѣтелей“! ¹⁶⁷) Наоборотъ, въ одномъ изъ вариантовъ новеллы о Харитѣ морализующее повѣствованіе, чтобы подчеркнуть унижающій характеръ чувственности, не останавливается съ одной стороны—передъ увеличеніемъ вины бодхисатвы тѣмъ, что царь уступаетъ ему жену свою добровольно, а съ другой—передъ развѣнчаніемъ будущаго Будды

¹⁶⁴) Avadana—Çataka. IV, 6.

¹⁶⁵) Джатака 431-я.

¹⁶⁶) Тамъ же, 360.

¹⁶⁷) Avadana—Çataka, IV, 6, pp. 134; 137, trad. Féer.

грѣхомъ до такой степени, что онъ изображается собственно-ручно очищающимъ грязный пріютъ, отведенный ему для преступныхъ свиданій, и отрезвляется отъ ослѣпившей его похоти только тогда, когда царица, схвативши его за бороду, бросаетъ ему поразительный упрекъ: „да вспомни же, наконецъ, что ты браминъ и аскетъ“! ¹⁶⁸⁾

Вотъ до какихъ вольностей въ концепціи будущаго Будды доходитъ стараніе позднѣйшей поры соединить въ его образѣ черты общечеловѣческія, до слабостей и грѣховности включительно, со способностью возвыситься усиліями разума и воли надъ грѣхомъ, чтобы постепенно смѣнить его нравственнымъ совершенствомъ. Стараніе это вызвано было, очевидно, желаніемъ внести долю ободряющаго настроенія въ суровое аскетическое ученіе о трудности спасенія, желаніемъ показать, что всякія трудности преодолимы и что въ конечномъ успѣхѣ духовной борьбы никто отчаиваться не долженъ. Но въ то же время сознавалась и опасность принимать такимъ образомъ идеаль верховнаго учителя мудрости и правды. Вотъ почему палийскіе варианты повѣсти о Миттавиннанѣ героя соблазнительныхъ приключеній превращаютъ изъ бодхисатвы въ простаго непослушнаго монаха ¹⁶⁹⁾; вотъ почему еще, согласно съ характерно-буддійскимъ предпочтеніемъ интеллектуальнаго моральному, внушается, что бодхисатвы могутъ поддаваться слабостямъ и грѣхамъ чувственности, но не проступкамъ противъ истины: „эти великія существа могутъ иногда убивать живыхъ тварей или присваивать себѣ вещи, имъ не предоставленныя, могутъ пить или вести себя распутно, но лгать умышленно они не могутъ; ибо нѣтъ помощи, превышающей правду, и кто отъ истины отречется, тотъ не достигнетъ просвѣтленія, хотя бы уже и чувствовалъ подъ собою почву его“ ¹⁷⁰⁾. Есть, наконецъ, попытки изобразить проступки бодхисатвъ невмѣняемыми, какъ проистекающіе будто бы отъ вліянія неблагопріятныхъ созвѣздій ¹⁷¹⁾,—взглядъ совершенно несогласный съ основнымъ убѣжденіемъ Готамы о зависимости спасенія или гибели только отъ самого себя.

¹⁶⁸⁾ Джатака 66.

¹⁶⁹⁾ Джатаки 41, 82, 104, 369, 439.

¹⁷⁰⁾ Jātakam. № 431.

¹⁷¹⁾ Тамъ же, № 279.

Какъ видимъ, позднѣйшій буддизмъ использовалъ повѣствованія о предбытіяхъ Будды съ цѣлями преимущественно нравственно-назидательными, но съ большимъ разнообразіемъ и съ широкою вольностью въ приемахъ. Изъ объемистой, пестрой, разновременной и разномѣстной литературы джатакъ и аваданъ вывести стройное и послѣдовательное нравственное или религіозное ученіе невозможно. Здѣсь хаотически перемѣшаны попытки выдвинуть и освятить то ту, то другую черту образца духовнаго совершенства, какъ отвѣтъ на ту, либо иную нравственную или религіозную потребность, пробивавшуюся наружу изъ подъ наслоеній прежнихъ убѣжденій и вѣрованій. Совершался этотъ процессъ прерывисто, неравномѣрно, несистематично и далеко не съ одинаковымъ умѣньемъ и не съ равною удачею. Часто благонамѣренной цѣли стремились достигнуть путемъ нравственно двусмысленнымъ или прямо соблазнительнымъ съ нашей точки зрѣнія; рядомъ съ частичнымъ прогрессомъ, въ дѣлѣ выработки духовнаго образца для подражанія, въ лицѣ бодхисатвъ и буддъ, наблюдается иногда и частичный регрессъ. До цѣльнаго ученія, выдержаннаго въ смыслѣ нравственной чистоты, эта общедоступная апокрифическая литература, стремившаяся, однако, стать каноническою, никогда не смогла возвыситься, и въ этомъ отношеніи она стоитъ несравненно ниже каноническихъ учительныхъ произведеній древнѣйшаго, южнаго буддизма. Но какъ бы то ни было, въ совокупности ея неупорядоченныхъ и не глубоко осознанныхъ стремленій все же вырисовывается одна плодотворная склонность: расширить „Путь избавленія“, слишкомъ узкій въ первоначальномъ буддизмѣ, сдѣлать его общедоступнымъ, легче осуществимымъ, соотвѣтственно чему и образъ Будды съ одной стороны демократизируется, а съ другой—дивинизируется: Будда въ первыхъ стадіяхъ своего долговременнаго развитія опроцается и нисходитъ ближе къ общечеловѣческимъ чертамъ и свойствамъ, но зато на окончательной ступени своей эволюціи онъ возвеличивается, получаетъ значительно большую нравственную и религіозную содержательность, изъ учителя превращается въ спасителя, избавляющаго отъ грѣховъ и бѣдствій уже не силою одного ученія, достаточнаго каждому для самоспасенія, а и вѣрою въ „Избавителя“ и, наконецъ,—культомъ его.

Для исторической судьбы буддизма эта тенденція имѣла рѣшающее значеніе: ея побѣда надъ первоначальнымъ, чисто философскимъ, а-религіознымъ духомъ ученія Готамы привела, въ свое время, къ упадку оригинальнаго, подлиннаго буддизма на его родинѣ; но та же тенденція, въ формѣ системы „Широкой переправы“, Магаѣяны, обезпечила буддизму, передѣлавшемуся на религіозный ладъ, долговременную жизнеспособность во многихъ другихъ странахъ.

И вотъ почему ученіе о предбытіяхъ Будды и относящіяся къ нему популярныя, сказочныя и легендарныя повѣсти получаютъ такое глубокое значеніе для изучающаго эволюцію буддизма; вотъ почему и мы сочли необходимымъ рассмотретьъ ихъ съ нѣкоторыми подробностями. Здѣсь, выражаясь словами Рисъ-Дэвидса, мы стоимъ у корней ученія о всемогущемъ существѣ, бодхисатвѣ, ученія которое, подобно мощной лянѣ, разрослось столь пышно, что постепенно закрыло многое цѣнное въ болѣе ранней доктринѣ, привело къ ея паденію, къ вытѣсненію древне-арійскаго пути мудрости, къ забвенію системы самовоспитанія и самоконтроля и къ замѣнѣ ихъ сложною іерархіею мнѣологическихъ, чудесныхъ существъ и чудотворцевъ ¹⁷²⁾. Предѣлы нашей работы не дозволяютъ вдаваться въ разсмотрѣніе хода развитія ученія о бодхисатвахъ и постепеннаго разрастанія его примѣненія: сначала—къ одному Готамѣ, да и то лишь въ періодъ отъ его „прозрѣнія“ до „пирваны“, затѣмъ—уже на всю его жизнь, отъ момента зачатія, далѣе—на всѣхъ предшествующихъ и послѣдующихъ буддѣ, отъ рожденія ихъ до достиженія ими архатства, еще далѣе—на всѣ животныя и человѣческія земныя существа, имѣющія стать со временемъ буддами, а позднѣе—на разнородныя божества, на цѣлый огромный мнѣологическій пантеонъ, и наконецъ, въ извѣстномъ, условномъ смыслѣ, —даже на каждаго ученаго и уважаемаго наставника къ пониманію дебрей мудрости Магаѣяны ¹⁷³⁾. Но все же было необходимо по крайней мѣрѣ нѣсколько освоиться съ тою малозвѣстною массою матерьяловъ, изъ смутной области конхъ вышло это

¹⁷²⁾ Introduction to Mahāpadāna-Suttanta въ Dialogues of the Buddha (Digha-Nikāya), p. 1.

¹⁷³⁾ Тамъ же, p. 3.

ученіе и откуда оно долго черпало свои вдохновенія, пока, наконецъ, не перешло въ область систематическаго, философскаго построения въ лицѣ позднѣйшихъ, прославленныхъ доктринеровъ Магайяны.

Въ документахъ наиболѣе древнихъ, предшествующихъ собранію джатакъ, понятіе бодхисатвы, какъ существа высшаго, чѣмъ простой мудрецъ-праведникъ (архатъ), еще не выступаетъ съ достаточною увѣренностью и опредѣленностью. По мнѣнію Р. Дэвидса, оно, вѣроятно, было чуждо самому Готамѣ, и терминъ „Будда“ въ его позднѣйшемъ смыслѣ не встрѣчается въ древнѣйшихъ документахъ. Въ Сутта-нипатѣ ¹⁷⁴⁾ онъ означаетъ просто „пробужденнаго“ въ нравственномъ смыслѣ слова, въ такомъ смыслѣ, въ какомъ это названіе и пополняющіе его эпитеты ¹⁷⁵⁾ одинаково примѣняются и къ ученикамъ Готамы. Какъ бы ни была велика разница между Учителемъ и ими, все же это—разница по степени, а не по существу. Въ Маджжима-никайѣ и Винайѣ ¹⁷⁶⁾, кажется, впервые встрѣчающійся терминъ „Саммасамбудда“ также ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ понятія обыкновеннаго архата. Но уже въ Магапада-суттѣ (Дигха-никайи ¹⁷⁷⁾) ученіе о бодхисатвѣ выступаетъ ясно, въ связи съ ученіемъ о предшественникахъ Готамы: здѣсь ученики ведутъ уже бесѣды „о прежнихъ рожденіяхъ“, а „Возвышенный, превосходящій способности людей“, даетъ разъясненія „касательно прежнихъ жизней“, примѣнительно къ своимъ шести предшественникамъ и къ самому себѣ ¹⁷⁸⁾, при чемъ все эти „возвышенные“ величаются не только „архатами“, но и „верховными буддами“. Здѣсь ученіе о бодхисатвахъ предстаетъ передъ нами уже въ разработанной формѣ, со слѣдующими указаніями для каждаго отдѣльнаго будды: міроваго періода (эона), къ которому онъ принадлежитъ, его общественнаго положенія и семьи, длины жизни, свойственной этому періоду, дерева, подъ которымъ будда достигъ „просвѣтлѣнія“, имень двухъ главныхъ его учени-

¹⁷⁴⁾ Sutta-Nipata, 48 и 167.

¹⁷⁵⁾ Тамъ же, 153—167.

¹⁷⁶⁾ Majjhimanikāyo, I, 171. Vinaya, I, 8, 9 и Kathā-vatthu, 289.

¹⁷⁷⁾ Digna-nikāyo XIV. Mahāpadāna-suttanta, въ Dialogues of the Buddha. II, 4 sqq.

¹⁷⁸⁾ Тамъ же, XIV, 1; 3—12.

ковъ и любимаго, прислуживавшаго ему ученика, числа архатовъ-послѣдователей, именъ отца, матери и мѣста рожденія будды ¹⁷⁹⁾. И по поводу всѣхъ условій, предшествующихъ его появленію или сопровождающихъ его и послѣдующимъ ему, съ подчеркиваніемъ замѣчается: „такое въ данномъ случаѣ правило“. Правила эти становятся извѣстными изъ ихъ повтореній въ жизняхъ различныхъ буддъ; способность же помнить и провѣрять ихъ есть привилегія этихъ священныхъ существъ, приписываемая имъ уже въ Маджахимѣ-никайѣ ¹⁸⁰⁾ и происходящая будто бы частію — отъ „яснаго различенія началъ истины“, частію-же—изъ „откровенія со стороны боговъ“ ¹⁸¹⁾.

Наконецъ, въ одной изъ позднѣйшихъ суттантъ Дихханикайи ¹⁸²⁾ находимъ попытку дать уже философское оправданіе ученія о перевоплощеніяхъ. Пробѣлы въ памятникахъ и ихъ хронологическая спутанность лишаютъ возможности прослѣдить, какими именно поступательными шагами вырабатывалась изъ этого ученія доктрина о бодхисатвахъ. Но, какъ бы то ни было, въ Магавасту мы уже застаемъ ее, хотя еще въ неустойчивомъ, но все же въ довольно подробно развитомъ видѣ, по крайней мѣрѣ примѣнительно къ вопросу объ условіяхъ, благодаря которымъ и при которыхъ становятся сначала бодхисатвою, а потомъ—буддою. Такъ въ самомъ началѣ этой объемистой священной книги сѣвернаго буддизма сообщается, что есть четыре ступени въ эволюціи бодхисатвы: 1) пракритичаріія—періодъ, во время коего обнаруживаются природныя качества будущаго Учителя міра; 2) пранидханачаріія — пора, когда имъ принимается рѣшеніе достигнуть высшей мудрости; 3) ануломочаріія—время исполненія принятаго рѣшенія и обѣта и 4) аннвартаначаріія, гдѣ это выполненіе продолжается, но уже безъ риска отступленій и паденій, еще возможныхъ на предыдущей ступени ¹⁸³⁾. Немного далѣе находимъ эту классификацію въ болѣе расчлененномъ видѣ, въ главѣ „о де-

¹⁷⁹⁾ Сравнительная таблица дана въ *Dialogues of the Buddha*. II, 6—7.

¹⁸⁰⁾ *Majjhima-nikāyo*. 13 Thl. 3 Rede (=123) *Acchhariyabbhatadhammasutta*. V. III, 249 ff. (Neumann)

¹⁸¹⁾ *Dīgha—nikāyo*. XIV, 15.

¹⁸²⁾ Тамъ же. XXIII. *Dialogues*. II, 316 sqq.

¹⁸³⁾ *Mahāvastu*. T. I, p. 2.

сяти бхуми“, то есть, сферахъ („земляхъ“) пребыванія бодхисатвъ, сферахъ, соответствующихъ послѣдовательнымъ степенямъ духовнаго роста мудрецовъ. Хронологически періоды эти „не опредѣлимы“, въ силу огромной длины „кальпъ“, ихъ составляющихъ ¹⁸⁴⁾; различить ихъ можно только сравненіемъ одной поры съ другою ¹⁸⁵⁾. Въ первой бхуми, въ области, называемой Дурароха, бодхисатвы представляются еще обыкновенными людьми, отличающимися восемью добродѣтелями: непривязанностью къ внѣшнимъ благамъ, сосредоточеніемъ, неутомимымъ усердіемъ, отсутствіемъ гордости, прилежнымъ изученіемъ условій и свойствъ мудрости, героизмомъ, отказомъ отъ міра и стойкостью. Въ этомъ состояніи возможно еще однако „возвращеніе вспять“, паденіе по 12 различнымъ причинамъ. Наиболѣе трудными, вмѣняемыми въ заслугу подвигами тутъ считаются отказъ отъ всего, что имѣемъ, и прощеніе обидъ. Вступившіе во вторую бхуми (Бадхаману) характеризуются отвращеніемъ къ существованію; бодхисатвы отличаются здѣсь „наклонностями добрыми, нѣжными, кроткими, энергичными, величавыми, разнообразными, глубокими, независимыми, непреодолимыми, несравненными, благородными, непоколебимыми, точными, чистыми, твердыми, свободными отъ всякой посторонней помощи, самоудовлетворяющимися, направленными къ „Великой Личности“ (т. е., къ Буддѣ), безконечными“. Однако и здѣсь еще въ силѣ цѣлыхъ 28 причинъ возможнаго пониженія и паденія. Третья бхуми, Пушпамандита, опредѣляется жаждою самоотрѣшенія, отказа отъ самого себя и всего себѣ принадлежащаго, отъ своего царства, своего тѣла, свободы и жизни, жертвою всего, ради усвоенія „хотя бы единаго, хорошо выраженнаго изреченія мудрости“. Однако и здѣсь, на порогѣ перехода въ дальнѣйшую сферу совершенствованія, возможно паденія по 14 причинамъ. Семь основаній къ тому же остаются и въ четвертой бхуми. Русирѣ: однако тутъ же дѣлается оговорка, что уже въ

¹⁸⁴⁾ „Миръ“ или періодъ Будды обнимаетъ собою 61 „великій хиліо-космъ“: Mahāvastu, I, 121. Въ Mahāv. III, 250 Будда говоритъ, что ему понадобилось 90 кальпъ героическихъ усилій, чтобы въ 91-й достигнуть наконецъ, совершенной мудрости, бодхи.

¹⁸⁵⁾ Mahāvastu, I, 76—78.

семи первых бхуми „никакой проступокъ не въ состояніи низвлечь бодхисатвъ въ адъ“; всѣ несовершенства, всѣ вины, предшествующія принятію ими рѣшенія стать буддою, „всецѣло покрываются“ этимъ обѣтомъ. Здѣсь же мы узнаемъ, что всѣ повѣсти о предбытіяхъ буддъ могутъ относиться только къ первымъ семи періодамъ ихъ развитія; начиная съ восьмой бхуми, бодхисатвы должны уже становиться объектомъ благоговѣйнаго почитанія, культа (пуджа). Переходъ въ пятую сферу, Ситравистару, „ознаменовывается: 1) сознаниемъ, что всякое бытіе сгараетъ въ страсти, ненависти и безуміи; 2) настроеніемъ духа, полнымъ отчаянія и отвращенія“; возможность паденія остается и здѣсь, но ограничивается четырьмя родами случаевъ; въ шестой бхуми (Рупавати) они сокращаются до двухъ, а въ седьмой (Дурджайѣ)—до одного. Если въ шестой порѣ настроеніе бодхисатвъ сосредоточивается на сознаниі, что „вихрь міра обладаетъ очень малыми прелестями и безконечными тяготами“, то въ седьмой они заняты прежде всего выработкою самоукрощенія. Уже начиная съ перваго періода, они уважаютъ жизнь всѣхъ тварей и проповѣдуютъ жалость; возростаютъ въ этомъ чувствѣ—въ теченіе семи первыхъ стадій своего развитія; неукоснительно выполняютъ нравственныя обязанности и, наконецъ, покидаютъ свое высокое положеніе въ мірѣ и вступаютъ въ монашескую жизнь. На этой ступени духовнаго подъема они надѣлены уже высокимъ уровнемъ знанія: имъ извѣстны всѣ цѣлебныя средства, мѣста нахождения всѣхъ драгоценностей, всѣ науки, всѣ письма, все полезное людямъ ¹⁸⁶⁾.

Есть основаніе думать, что первоначально этими семью періодами и заканчивался кругъ развитія бодхисатвъ вплоть до достиженія ими сана будды ¹⁸⁷⁾, и лишь впоследствии его расширили до десяти ступеней или областей. Въ Магавасту, однако, три добавочныхъ періода остались безъ опредѣленной характеристики ихъ особенностей или ихъ превосходства надъ предшествующими ¹⁸⁸⁾.

Въ упрощенномъ, краткомъ изложеніи находимъ мы пе-

¹⁸⁶⁾ О первыхъ семи бхуми—Mahāvastu. I, 78—136.

¹⁸⁷⁾ Sénart. Introduction au Mahāvastu. I, p. XXXV. Note.

¹⁸⁸⁾ Mahāvastu. I, 133 ss.

речисленіе „десяти парамитъ“ (совершенство) во введеніи къ палийскому сборнику Джатакъ, въ Ниданакатъ; первое совершенство (говорится здѣсь) есть совершенство милостыни; 2-е—совершенство нравственнаго поведенія; 3-е—самоотреченія; 4-е—мудрости; 5-е—упражненія; 6-е—долготерпѣнія; 7-е—правдивости; 8-е—рѣшительности; 9-е—совершенство доброй воли и десятое—совершенство безупречной, всеобщей справедливости ¹⁸⁹). Какъ видимъ, въ этомъ позднѣйшемъ распредѣленіи степени совершенства приняли характеръ упрощенный, чисто нравственный и вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе сбивчивый, болѣе опредѣленный въ своихъ отличительныхъ чертахъ, чѣмъ въ предшествующихъ описаніяхъ того же сложнаго процесса. Существенно важно заключеніе, которымъ въ Ниданакатъ сопровождается это перечисленіе „совершенствъ“: „таковы единственныя условія въ здѣшнемъ мірѣ для осуществленія сана будды бодхисатвами; помимо этихъ десяти совершенствъ, иныхъ нѣтъ. И эти десять совершенствъ почерпаются не въ небѣ, которое надъ нами, ни въ землѣ, которая подъ нами, ни на восточной или иной части свѣта: они обрѣтаются въ моемъ собственномъ, тѣлесномъ сердцѣ ¹⁹⁰). Слова глубоко знаменательныя для опредѣленія характера буддійскаго пути спасенія и свойствъ наставника къ нему! Ни „на небеси—горѣ“, ни „на землѣ—низу“, нигдѣ, ни въ чемъ и ни въ комъ извнѣ, ни отъ людей, ни отъ міра, ни отъ боговъ получить спасенія нельзя: оно исключительно и всецѣло—результатъ самоуглубленія, самосовершенствованія земнаго, „тѣлеснаго“ человѣка, хотя совершенствованіе и состоитъ именно въ познаніи ничтожества всего вещественнаго, всего „тѣлеснаго“ на землѣ и во всѣхъ иныхъ мірахъ и въ самомъ человѣкѣ.

Въ десятой, послѣдней бхуми бодхисатвы ощущаютъ, наконецъ, желаніе покинуть небо Тушиты, гдѣ ихъ застають, въ сообществѣ пестраго индусскаго пантеона, моментъ сознанія своевременности конечнаго воплощенія на землѣ въ видѣ будды.

На этомъ и заканчивается сложная, утомительно долгая, смутная и противорѣчивая эпопея о предбытіяхъ будды, эпо-

¹⁸⁹) Nidānakathā, pp. 18—25 engl. transl.

¹⁹⁰) Тамъ же, p. 25.

пея, смыслъ которой, если отбросить огромный балластъ включенныхъ въ нее всевозможныхъ фантастическихъ, часто пустыхъ, а иногда и соблазнительныхъ придатковъ, сводится на урокъ крайне труднаго и долгаго подвига нравственнаго напряженія и совершенствованія для выполненія принятаго пожеланія и обѣта „достигнуть бодхи“, то-есть высшаго идеала праведной мудрости,—обѣта, который нашель свое законченное выраженіе въ слѣдующей формулѣ: „да смогу я этимъ корнемъ добродѣтели, этимъ продуктомъ мышленія, этимъ отрѣшеніемъ, согласнымъ съ законами жертвы, въ этомъ мірѣ, слѣпомъ, не имѣющемъ путеводаителя, стать Буддою, перевозчикомъ существъ, еще не переправившихся, освободителемъ еще не освобожденныхъ, утѣшителемъ, еще неутѣшенныхъ, виновникомъ полной нирваны для недостигшихъ полной нирваны“! ¹⁹¹⁾.

Обзоръ повѣствованій о предбытіяхъ Будды слѣдовало бы закончить сравненіемъ ихъ съ соотвѣтствующею стороною христіанскаго вѣроученія. Но возможно ли какое-либо сравненіе тамъ, гдѣ царитъ полная противоположность? ибо трудно было бы представить себѣ большій контрастъ, какъ тотъ, который обнаруживается здѣсь. Съ одной стороны—нескончаемая въ своихъ видоизмѣненіяхъ, причудливо фантастическая ткань буддійскихъ джатакъ, съ ихъ неустойчивою, часто низкопробною моралью; а съ другой стороны—величавое начало Евангелія отъ Іоанна, необъятное въ священногайной глубинѣ своихъ сжатыхъ реченій! Съ одной стороны—прерывнистый, извилистый, то повышающійся, то понижающійся процессъ восхожденія отъ человѣческаго и „слишкомъ ужъ человѣческаго“ и даже животнаго къ сверхчеловѣческому и сверхбожескому, при упорномъ однако отрицаніи Божественнаго, какъ высшаго; а съ другой стороны—„въ началѣ бѣ Слово“, то Слово, что было искони у Бога и Коимъ былъ Самъ Богъ; Единородный Сынъ Божій, Христосъ, пребывающій Тотъ же во вѣки, и Его изначальной и непрестанной божественности „нисхожденіе божественное“ къ человѣчности, дабы, обоживши ее, возвести и ее къ Богу же, къ Отцу! Такова догматическая противоположность. Но, какъ мы видѣли,—не меньшая и нравственная, этическая:

¹⁹¹⁾ Avadāna-Ṣataka, trad. par L. Féer, p. 13.

съ одной стороны—немошная, слабостямъ и даже грѣху повинная человѣчность будущаго Будды, искупающая свои пониженія и паденія безчисленнымъ рядомъ перерожденій во всевозможныхъ формахъ; съ другой стороны—безусловная, неизмѣнная безгрѣшность Христа!.. Наконецъ, послѣдній контрастъ—психологическій и, вмѣстѣ съ тѣмъ,—духовно-педагогическій: въ буддизмѣ—надменное въ началѣ, но сознающее потомъ свое безсиліе, безрелигіозное стремленіе спасти человѣка его собственными ресурсами и, соотвѣтственно трудностямъ, отсюда происходящимъ,—сложныя пособія многочисленныхъ, повторныхъ воплощеній, долговѣчныхъ очистительныхъ наказаній и, въ концѣ концовъ, все-таки—обращеніе за помощью сверхчеловѣчною къ Буддѣ. передѣланному позднѣйшимъ, религіонизирующимся народнымъ сознаніемъ изъ человѣческаго мудреца въ существо сверхъестественное; а въ христіанствѣ, съ самаго начала,—признаніе недостаточности естественныхъ, природныхъ силъ человѣка для его спасенія; съ самаго начала поэтому—обращеніе къ благодатной помощи Богочеловѣка-Спасителя... И, сообразно со всѣми этими идейными особенностями,—столь же рѣзкое различіе и въ формахъ ихъ выраженія, различіе столь огромное, что самая попытка благоговѣйная, вдумчивая рѣчи отцовъ Церкви о Божественномъ Логосѣ, о тайнахъ вочеловѣченія и воплощенія Бога-Слова сравнить съ развязною болтовнею буддійскихъ бытовыхъ притчей и побасенокъ о предбытіяхъ Готамы должна бы показаться кощунственною, если бы изъ этого сопоставленія не явствовало, съ такою наглядною очевидностью, какъ жалки и немощны всѣ порывы къ истинѣ и свѣту въ душѣ человѣческой, не озаренной лучами Солнца Правды и Истины Господней, пребывающей во-вѣкъ...

Вл. Кожевниковъ.